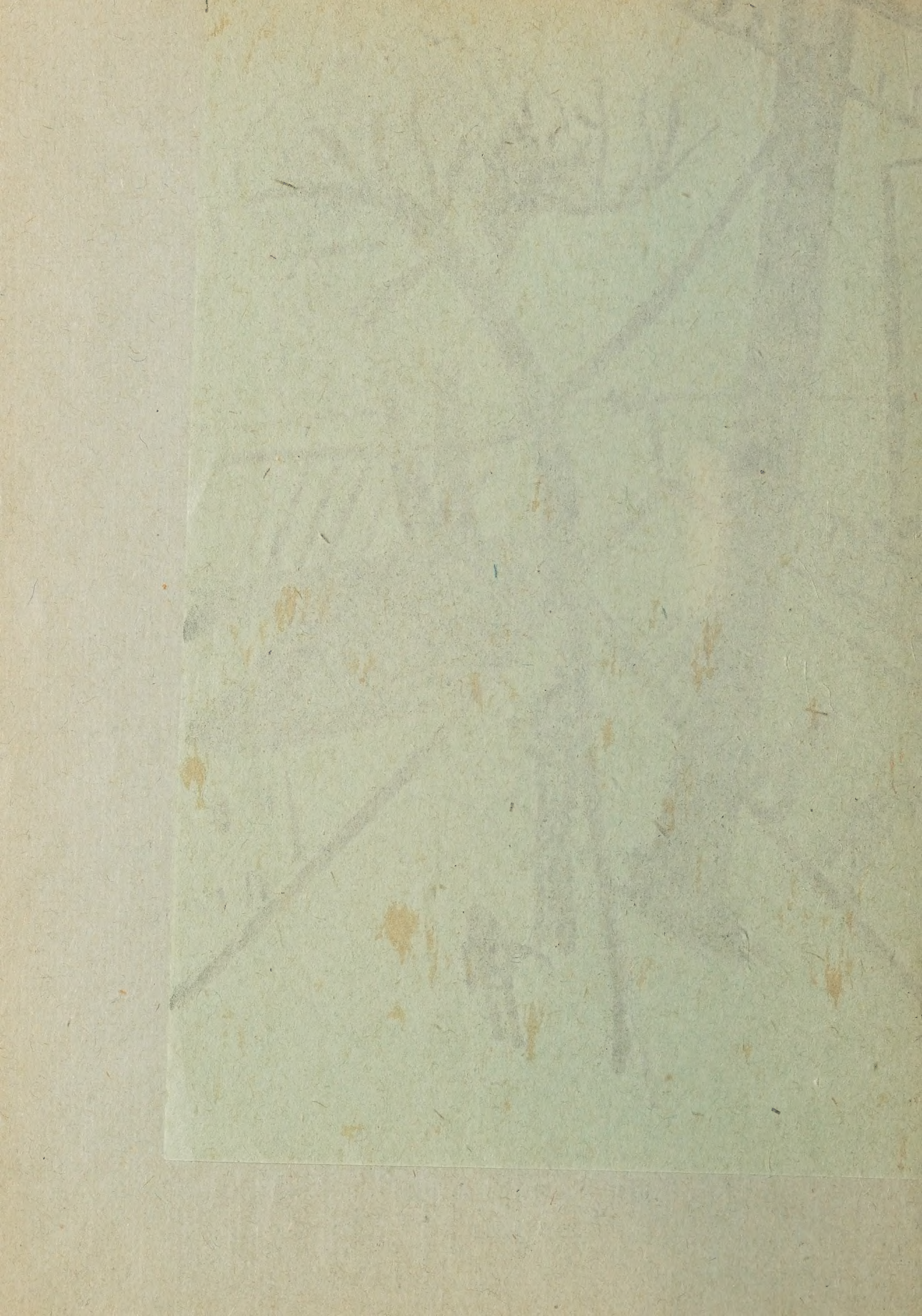
А. КРУЧЕНЫХ

с т ихи В. МАЯКО ВСКАГО

А. Крученыхъ.

СТИХИ В. МАЯКОВСКАГО.

ВЫПЫТ.

Подобенъ Маяковскаго (на обложкѣ) рис. Д. Бурлюка.

Рисунок **О. Розановой.**

1914 г. Издат. Е У Ы.

Пробиваясь кулаками.

Я подошел к зеркалу
Сказал спокойно:
«Будьте добры причешите мнѣ уши»
Гладкій парикмахер вдруг сдѣлался хвойный
Лицо вытянулось как у груши
Сумасшедшій!
Рыжій!
Запрыгали слова
Ругань врывалась от писка до писка
И до-о-олго
Хихикала
Чья-то голова
Выдергиваясь из толпы какъ старая редиска.

что это? стихи? а гдѣ же словарь, словоновшество словесность? гдѣ новый синтаксис?

развѣ вы не видите что это деревяжки!

а ритм гдѣ? нѣт, это кто-то колотит кулаками в двери пивной выкрикивая: Сезам отворись!

это не стихи а ремесленная подпись к картинѣ М. Ларіонова

«Парикмахер»

и рыжій доволен

«губы у меня как калоши зубы как у лошади»...

а! наконец то появился поэт-боксер!

он всегда был таким:

«Вбиваю гулко шáга сваи
Бросаю в бубны улиц дробь я
Ходьбой усталые трамваи
Скрестили синих молній копья

«кулак у меня—4 пуда, а если еще принять во вниманіе силу рычага...»

«я люблю смотрѣть как умирают дѣти»...

бѣдныя малютки!

берегитесь это рыкает людоѣд!

«моим голосом хорошо бы гвозди вколачивать в стѣнку»

и взявши в руки не перо, а помело, он мажет

(Стихи привожу из книг: «я» «Требник Троих», «Дохлая Луна» «Рыкающій Парнас» «Трагедія В. Маяковскій» и др.):

Нате

Черезъ часъ отсюда въ чистый переулокъ
Вытечетъ по человѣку вашъ обрюзгшій жиръ,
А я вамъ открылъ столько стиховъ шкатулокъ,
Я, безцѣнныхъ словъ мотъ и транжиръ.

Вотъ вы, мужчины—у васъ въ усахъ капуста
Гдѣ то недокушанныхъ недоѣденныхъ щей.
Вотъ вы, женщины: на васъ бѣлила густо,
Вы смотрите устрицами изъ раковинъ вещей.

И всѣ вы на бабочку поэтинаго сердца
Взгромоздитесь грязные, въ калошахъ и безъ калошъ.
Толпа озвѣрѣетъ и будетъ тереться,
Ощетинитъ ножки стоглавая вошь.

А если сегодня мнѣ, неотесанному гунну,
Кривляться передъ вами не захочется—и вотъ
Я захохочу и радостно плюну, плюну въ лицо вамъ,
Безцѣнныхъ словъ Я—транжиръ и мотъ.

вот!
на этом лицѣ не повѣсишь:
„плевать строго воспрещается“
оно само плюнетъ тебѣ в «рыло»

И если И Сѣверянин поет «для нас Державиным стал Пушкин» и в то же время с эстрады читает Пушкина, то о Маяковском мы «лучшаго» мнѣнія — он в самом дѣлѣ может «зарѣзать как птичку»

„Лѣ
зем
Зем
лѣ

Выколоть бѣльма пустынь
На губах каналов дредноутов улыбки поймать
Стынь злоба
На костер разожженных созвѣздій взвесть
Не позволю мою одичавшую дряхлую мать

Дорога
Рог
Ада
Пьяни грузовоз храпы
Дымящіяся ноздри вулканов хмѣлем расширь
Черныя перья дьяволов бросим любимым на
шляпы
Будем хвосты на боа обрубать у комет ковы-
ляющих в ширь"...

Ваши души слишком хрупки и блѣдны
у вас есть и поэты—метры
а у нас Маяковскій—три аршина!
и писк «бѣдных крыс» так жалок
перед этими 4-х пудовыми кулаками!
это не колдовской шопот великаго заклинателя
В. Хлѣбникова, а
звонкія пощечины, «фонарные столбы по поношенным
мордам!»
бить и не задумываться!
«еслиб любили как я вы бы растлили любовь»...

,,Я люблю смотрѣть как умирают дѣти
Вы прибоя смѣха мглистый вал
Замѣтили б за—слоновьим хоботом
А я
В читальнѣ улиц
Так часто
Перелистывал
Гроба
Том
А полночь промокшими пальцами щупала
Меня и забитый забор
И с каплями ливня на лысинѣ купола
Скакал сумасшедше топор
Я вижу он сквозь город бѣжал
Хитона овѣтренный край цѣловала плача слякоть
Кричу
Кирпичу
Слез изступленных вонзая кинжал
В неба распухшаго
Мякоть...

„Так часто перелистывал гроба том“—вот его книги!

„Кричу

Кирпичу!“..

не слова у него а кирпичи!

это у мыслителей были такія тонкія и грустныя худосочныя и ковылящія слова

(и да и нѣт) а у этого какія

крѣпкія!

это не прѣсный язык Брюсова и Бальмонта, не безконечная канитель А. Бѣлаго или ложное глубокомысліе г.г. В. Ивановых и Блоков

нѣт он мудр как Шекспир—в

кажущемся гаерствѣ и мотовствѣ

не слова а радій!

апашу других и не надо

они ему замѣняют нож

и если какой-нибудь Пушкин але Соллогуб—холодное зеркало, то желѣзный кулак Маяковскаго шутя превратит его в порошок!

На чешуѣ желѣзной рыбы
Прочел я зовы вѣщих губ
А вы, ноктюрн сыграть могли бы
На флейтах водосточных труб?

Я стер границы в картѣ будня
Плеснувши краску из стакана
И показал на блюдѣ студня
Косыя скулы океана

Апаш сжился с городом

и как житель лѣсов понимает язык деревьев и звѣрей (таков напр. наш В. Хлѣбников) так и Маяковскій свой среди вещей города

Читайте желѣзныя книги
Под флейтой золоченной буквы
Копченые выползут сиги
И нѣжныя головы брюквы

И если с веселостью песьей
Закружат созвѣздія „Магги“
Бюро похоронных процессій
Свои пронесут саркофаги

грубыя вещи взбунтовались и убѣжали от людей и
возстали на них.
„Даже переулки засучили рукава для драки“
Асфальт против Ницше! Нож на балерину!
„у портного с вывѣски сбѣжали штаны
и одни пошли гулять без человѣческих ляжек“,
Маяковскій—заговорившая жестяная рыба!
у него не душа а футуристкій оркестр
гдѣ приводимые в ход электричеством молотки
колотят в кастрюли!
так жутко видѣть не сердце а барабан водосточную трубу и трещотку

По мостовой души моей
Изѣзженной
Шаги помѣшанных
Бьют жестких фраз пяты

Гдѣ
Города
Повѣшены
И в петлѣ облака застыли башен кривыя
Выи
Иду один рыдать что перекрестком
Распяты
Городо-
вые...

но вот странно ,,иду рыдать“
Зачѣм же отчего?
что другіе от него рыдают—ну это понятно,
а отчего-же рыдать апашу?
ах, значит вы не знаете этого грубаго, примитивно-грубаго существа!
апаш дерзок и циничен но в той же мѣрѣ и чувствителен (сантиментален)
вѣдь замѣтил же кто-то ,,что набожнѣе всего эти женщины“

Господа! да развѣ это можно?
Даже переулки засучили рукава для драки
А тоска моя растет непонятно и тревожно
Как слеза на мордѣ у плачущей собаки

(Трагедія ,,В. Маяковскій).

переход от ножа к слезам у хулигана дѣло обыкновенное
и это не истерика и не безуміе, не
то что случилось с людьми ,,утонченной“ мозговой акшицы—Ницше, Гаришным и др.

нѣт, он только апаш, он зарыдал оттого что его чувства еще сохранили первобытную воспріимчивость!

и он дурит он пугает когда изображает безуміе

в этом то наше (я говорю о будетлянах, т. наз. „кубо-футуристах“) спасеніе!

безуміе нас не коснется хотя, как имитаторы безумія, мы перещеголяем и Достоевскаго и Ницше!

- хотя мы знаем безуміе лучше их и заглядывали в него глубже пѣвцов полуночи и хаоса!

ибо Хаос в нас и он нам не страшен!..

Так проходит „апаш-трагик“ закрывая своей желтой Кофтой всю Россію и не один критик „пожелтѣл“ при ея появленіи

и тоска современнаго дикаря больше и глубже Надсона.

Солнце

Отец мой сжалься ж
    хоть ты и не мучай
Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою большой
Это не душа моя клочьями порванной тучи
В выжженном небѣ на ржавом крестѣ колокольни
        Время
Хоть ты хромой богомаз лик намалюй мой
В божницу уродца вѣка
Я-ж одинок как послѣднiй глаз
                У идущаго к слѣпым
                Человѣка.
                «Дохлая Луна» 1913 г.)

сильный человѣк так часто надрывается и вот он бредит изнеможженный:

Отъ усталости.

Земля, дай исцѣлую твою лысѣющую голову
Лохмотьями губъ моихъ въ пятнахъ чужихъ
позолотъ
Дымомъ волосъ надъ пожарами глазъ изъ олова
Дай обовью я впалыя груди болотъ
Ты насъ двое ораненныхъ загнанныхъ ланями
Вздыбилось ржанье осѣдланныхъ смертью коней
Дым изъ за дома гонитъ насъ длинными дла
нями
Мутью озлобивъ глаза догнивающихъ въ ливняхъ
огней.
Сестра въ богадѣльняхъ идущихъ вѣковъ
Можетъ быть мать мнѣ сыщется
Бросилъ я ей окрававленный пѣснями рогъ
Квакая скачетъ по полю канава зеленая сыщица
Насъ заневолитъ веревками грязныхъ дорогъ...

И тут понятны и особенно остры его воспоминанія о матери воплотившейся в руки золотых солнц-рекламм и бас звучит особенно грустно на „Невском міра“.

О моей мамѣ

У меня есть мама на васильковых обоях
А я гуляю в пестрых павах
Вихрастыя ромашки шагом
Мѣряя мучу
Заиграет вечер на Гобоях рисавых
Подхожу к окошку вѣря я
Что опять увижу сѣвшую
          На дом тучу
А у мамы больной пробѣгают народа шорохи
От кровати до угла пустого
Мама знает что это мысли сумасшедшей ворохи
Вылѣзают из за крыш завода Шустова
И когда мой лоб вѣнчанный шляпой фетровой
Окровавит гаснущая рама
Я скажу раздвинув басом вѣтра вой
          Мама
Если станет жалко мнѣ вазы
          Вашей муки
Сбитой каблуками облачнаго танца
Кто же приласкает золотыя руки
          Вывѣской изломанныя
У витрин Аванцо...

и не странно ли это:

крыша Шустова стонет о „своей мамѣ“

не урок ли это сыновьей любви?!

всего ужаснѣе „пьющіе одно молоко“, а это большое грубое дитя поддается самым простым человѣчьим слабостям и право Каин не так уж виноват—он не мог перенести предпочтенія явно оказываемаго братцу...
как супруг Каин навѣрно был очень внимателен и кроток

(М.м. Г.г., кто поймет над кѣм из вчерашних мыслителей я издѣваюсь? Над какой группой? Или вы думаете будетляне так просты что не сумѣют Вас запутать в сѣти прикрытыя видимостью логической безопасности?.. эх вы страусовы перья!)

Да, я говорю совершенно серьезно! апаш немыслим без апашки и вы еще не знаете что любви апаша женщина больше всего вѣрит

Какіе клубки, какіе противорѣчія, возмутительныя до того, что даже не хочется „голову ломать“ из-за них!

. . . .

рыжіе! хулиганы! пещерные люди!

...—да, дикари!

Ха-ха!

так значит—дикари?
великолѣпно!—вѣдь
есть и небоскребы воли
а мы дикари—и воля ли
«заѣденнаго клопомъ культуры» сравнится
с дикарем?
мы первобытны
и лишь у нас небоскреб пе-рво-бытной воли!
и презрѣнія!
и гордости
и жестокости!
„Хочу быть дерзким“—стонал символист—
    а нас всѣ уже упрекают
    в дерзости!
    Слава им!
    . . . .

кто-то жует и чавкает...
«зеленая женщина! этакой ногой хорошо в зубахъ ковырять
«дѣвушки вы любите мое мясо...»
это готтентот выражается о женщинѣ
это апаш который немыслим без апашки зовет ее, воркует:

Морей невѣдомых далеким пляжем
Идет луна
Жена моя
Моя любовница рыжеволосая
За экипажем
Крикливо тянется любовь созвѣздій
Пестрополосая
Вѣнчается с автомобильным гаражем
Цѣлуется с газетными кіосками
А шлейфа млечный путь моргающим пажем
Украшен мишурными блестками
А я

Нес ложе палимому бровей коромысло
Из глаз колодцев студеныя ведра
В шелках озерных вѣдь ты же висла
Янтарной скрипкой пѣли бедра
В кр—
а я
Гдѣ злоба крыш не кинешь блесткой лѣсна
В бульварахъ я тону тоской песков овѣян
Вѣдь это-ж дочь твоя моя же пѣсня
В чулкѣ ажурном
У кофеен»

Может быть такія длинныя изліянія краснорѣчиваго апаша менѣе удачны чѣм остальные его подвиги, быть может смѣшон апаш влюбленный и тоскующій, он гораздо убѣдительнѣе когда рвет и рычит, а не воркует.

Побольше презрѣнія...

До нас люди жили завистью то к женѣ то к ослу то к звѣздам и лунѣ солнцу и вольному вѣтру и лишь будетляне твердо стоят на глыбѣ мы.

Как раньше тянулись, как ночные цвѣты, поэты к лунѣ—и вот эта богиня брошена с высоты и что же? мы ее разсматриваем в микроскоп — так она ничтожна!

,,Луна как вша ползет небес подкладкой—
Неуслѣдим изгиб закабаленных уст!
О не топчи своей улыбкой гадкой
Нескромных устремленiй куст!..
(Д. Бурлюк)

уж не Саломея ли эта луна? не Психея ли?..

«будемъ как солнце!» шепелявил «ручной дикарь» а теперь что?

«в дырах небоскребов гдѣ горѣла руда
И желѣзо поѣздов громоздило лаз
Крикнул аэроплан и упал туда
Гдѣ у раненнаго солнца вытекал глаз»

«огни фонарей и ярче и хлестче!» добавляет еще Маяковскiй

так и все—рушится от нашего рева:
«мы устали звѣздам выкать
мы узнали радость рыкать»
(«Ряв.» В. Хлѣбникова)

и мы видим: «мір погибнет а нам
нѣт конца» («Побѣда над солнцем»).

«будем хвосты на боа обрубать у комет ковыляющих в ширь»

и что ж—если все рушится—**развѣ мы не единственны в своей мощи?**

И если мы пока говорим о современности то только для того чтобы поскорѣе перерости и ее!

и пусть наряжается «мот» в желтую кофту или модный сюртук и розовый жилет

пусть ничего кромѣ городских улиц не знаетъ Маковскій—это хорошо! Побольше красокъ и крика!

. . . .

И современность забилась в судорогах!

Это у Брюсова такой глупо-спокойный игрушечный город:

,,царя властительно над долом

огни вонзая в небосклон"—(собр. соч. Брюсова 1913 г.)

вот удивительно! а куда же и направляется дым и огонь городов как не вверх и над чѣм же царит город кк не над долиной

не то у Маяковскаго

тут дана не внѣшне описательная сторона а внутренняя жизнь города, он не созерцается а переживается (футуризм в разгарѣ!)

и вот уже город исчезает, а воцаряется какой то ад:

Зигзаги в вечер.

Адище города́ окна разбили
На крохотные сосущіе свѣтами адки
Какъ рыжіе дьяволы скакали автомобили
Над самым ухом взрывая гудки

А там под вывѣской гдѣ сельди из Керчи
Сбитый старикашка шарил очки
И заплакал когда в вечернем смерчѣ
Трамвай с разбѣга взметнул зрачки

А в дырах небоскребов гдѣ горѣла руда
И желѣзо поѣздов громоздило лаз
Крикнул аэроплан и упал туда
Гдѣ у раненнаго солнца вытекал глаз

И тогда уже скомкав фонарей одѣяла
Ночь излюбилас похабна и пьяна
А за солнцами улиц гдѣ ковыляла
Никому ненужная дряблая луна

Попомнишь эту ночь! Город ожил, мостовая—громадное брюхо ящера, и то раздувается то суживается и тогда раздаются такія восклицанія:

У—
лица
лица
у
Догов
Годов
рѣз-
че
Че-
рез

И лѣзет улица в рот как безконечно длинная спица пронзит и одного и тѣм болѣе двух

Восток замѣтил их в переулкѣ
Гримассу неба отбросил выше
И вырвав солнце из черной сумки
Ударил с злобой по ребрам крыши

Что дѣлается! все было так спокойно и прочно — и вот набросилось запрыгало:

Вулканы бедра за льдами платій
Колосья груди для жатвы спѣлы
От тротуаров с ужимкой татей
Ревниво взвились тупыя стрѣлы
Спугнув . . . .

„И все же она движется" Это страшнѣе всего для мрачных судей!

И в этом оправданіе поэзіи Маяковскаго!

Город увлек апаша и куда бросит его?..

Куда летит этот молодой человѣк махая в воздухѣ 4-х пудовыми кулаками?!

. . . .

. . . .

обращаясь к трупу бездыханно павшему на мостовую
мы можем сказать слово:

„ты был апашем в жизни и долго не понимал своего призванія!..

Не было апаша в поэзіи и всѣ истомились ожидая его как удара кулака который бы вылечил их от горбатости

И вот когда всѣ истомились вконец ты явился и уже многіе узнали тебя

Радуясь!

Ибо убить хулигана (в жизни) может лишь апаш (в поэзіи)

И всѣ радуются послѣдней дракѣ ибо всѣ знают:
побѣдишь ты—и исчезнет грязное пятно апаша

Всѣ ждут
когда наконец покончит с собою современность открывая страны

будетлянскія“...

время настало!

люди полюбившіе кинемо,—Танго и Линдера траонсфрматора полюбят и Маяковскаго.

Эй, иди!

Время настало!!!

НОВЫЯ КНИГИ

издательства

ЕУЫ:

В. Хлѣбников

„РЯВ“ Перчатки 1908—1914 гг. рис. Д. Бурлюка и К. Малевича, ц. 60 к.

А. Крученыхъ

„ПОБѢДА НАД СОЛНЦЕМ“ музыка М. Матюшина, декораціи К. Малевича, ц. 60 к.

А. Крученыхъ и В. Хлѣбников:

«ТЭ ЛИ ЛЭ» Цвѣтное самописьмо О. Розановой и Н. Кульбина. 50 №№-ых книг, цѣна 1 р. 50 к.

«ЧОРТ И РѢЧЕТВОРЦЫ» А. Крученых ц. 30 к.

А. Крученых и Н. Кульбин

«Буква как таковая».

Типо-Литографія Т-ва «Свѣтъ», СПБ., Невскій 136.

НОВѢЙШАЯ КНИГА:

Крученых-Хлѣбников

„Игра в аду“ 2-е доп. изд.

Рис. Малевича и Розановой,

80 стр. ц. 80 коп.

ц. 40 коп.